

НОВЕЙШАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛИЗМА XXI ВЕКА

По крайней мере, со времени возникновения марксизма слова «социализм» и «революция» почти всегда произносятся и пишутся вместе. В этом смысле с формальной точки зрения, «бархатные революции» конца прошлого века мало что изменили. Однако в содержательном плане по сравнению с предыдущими полутора веками ситуация оказалась прямо противоположной: эти революции не открыли эпоху социализма, но закрыли ее, положив конец историческому периоду, который одни называли «реальным социализмом», а другие – «коммунистическим тоталитаризмом». Попробуем же взглянуть на принципиально новую историческую ситуацию в постсоветской России, используя в этих целях, наряду с традиционными методами исследования, и сравнительно новый метод политико-ситуационного анализа.

1. Революция как историческая ситуация и её особенности в постсоветской России первой половины 1990-х гг.

Социально-политические трансформации, происходившие в нашей стране, начиная с прихода к власти М. Горбачева, в официальных политических документах и иной литературе в большинстве случаев квалифицируются как радикальные реформы. Между тем, политическая наука определяет социальную реформу как изменение какой-либо существенной стороны жизни общества при сохранении основ его экономического и государственного строя. Поскольку же и в экономике, и в государственном строе России в названный период произошли действительно коренные преобразования, определять характер всех этих изменений как реформистский не представляется возможным. В действительности, *в различные периоды новейшей российской истории в стране происходили как эволюционные, реформистские, так и революционные преобразования.*

Наряду с господствующей оценкой российского социально-политического процесса 1990-х гг. в качестве периода реформ, в литературе встречаются следующие его характеристики:

- революция (с различными, подчас противоположными, определениями);
- контрреволюция;
- реставрация;
- антиреволюция;
- смута и др.

Помимо идейно-политических воззрений авторов, придающих понятиям «революция», «контрреволюция», «реставрация», «реформа» ярко выраженный аксиологический акцент, помимо сложности и

незавершенности самого процесса, такая разноречивость оценок обусловлена тем, что при кажущейся терминологической очевидности в эти понятия вкладывается весьма различное содержание.

Понятие революции

По количеству определений термин «революция» вряд ли может сравниться с такими социально-философскими понятиями как «общество», «цивилизация», «культура» или «личность», однако и этот термин весьма многозначен, причем различные его значения наиболее четко раскрываются при логическом анализе понятия революции в парах с соотнесительными категориями.

На общефилософском уровне исследования в паре «*революция – эволюция*» первая выступает как скачок-переворот (взрыв), как быстрое, стремительное, качественное изменение, преобразующее сущность системы; вторая – как постепенное, количественное изменение при сохранении сущности или, что, вероятно, ближе к истине, как постепенное, качественное изменение. С этой точки зрения, социально-политический процесс в России 1990-х гг., как и аналогичные процессы в бывших социалистических странах, несомненно, представляет собой революцию. Достаточно указать на:

- применение «шоковой терапии», в результате которого произошло «взрывное» движение от сверхцентрализованной экономики к практически нерегулируемой;

- обвальная характер приватизации, темпы которой на порядок превосходили по интенсивности аналогичные процессы в индустриально развитых странах (например, в Великобритании в период правления М. Тэтчер) при противоположном социально-экономическом результате;

- разрушение прежней государственности (Советского Союза);

- политические перевороты, а также гражданские войны, которые обычно являются верными спутниками революций, включая малую гражданскую войну в Москве (октябрь 1993 г.) и две локальные гражданские войны в Чечне (декабрь 1994 – август 1996 и август 1999 – март 2000), и т.п.

На политико-аксиологическом уровне в паре «*революция – переворот*» названные понятия различаются двояким образом: по объему и в аксиологическом аспекте. С точки зрения объема, согласно, например, марксистской традиции, понятие «революция» может употребляться в широком и узком смысле слова. В широком – для обозначения революции социальной, охватывающей различные сферы жизни общества; в узком – как синоним революции политической, решающей вопрос о власти. В последнем смысле понятия «политическая революция» и «политический переворот» тождественны. И в этом смысле в России в 1990-ые гг. произошли революционные изменения. Что же касается аксиологического аспекта, то для массового сознания да и большей половины теоретиков революция – нечто легитимное, морально оправданное, положительное,

тогда как переворот отождествляется с нарушением закона, заговором, авантюрой и т.п.

На уровне политологического анализа в паре «*революция – реформа*» выделяется целый ряд характеристик, по которым различаются эти категории:

- революция – коренное преобразование, реформа – частичное;
- революция радикальна, реформа более постепенна;
- революция (социальная) разрушает прежнюю систему, реформа сохраняет ее основы;
- революция осуществляется в значительной мере стихийно, реформа – сознательно (следовательно, в известном смысле реформа может быть названа революцией «сверху», а революция – реформой «снизу»).

С теоретической точки зрения важным во всех этих определениях является однозначная характеристика реформы как переустройства отдельных сторон, элементов системы, не затрагивающего ее основ, очевидная для подавляющего большинства специалистов. Впрочем, те же специалисты, переходя к анализу политических процессов в России, дружно называют реформами коренную ломку предшествующего общественного строя.

С точки зрения историко-социологической, в паре «*революция – реставрация*» революция интерпретируется как переход к новому типу общества (социетальной системы, цивилизации, формации), а реставрация – как возвращение к его прежнему типу. В этом смысле российские «реформы» 1990-х гг., если и не представляли собой прямую попытку реставрации дооктябрьской общественной системы, то, по крайней мере, содержали ярко выраженные реставрационные тенденции, по силе соперничавшие с модернизационными, а часто их превосходившие.

Реставрационные тенденции проявлялись прежде всего в знаковой форме, в отношении к прежним символам:

- возвращение дореволюционного флага и герба;
- восстановление топонимов;
- коренное изменение отношения к символическим историческим фигурам (превращение большинства царей, несмотря на прокламируемые демократические ценности, из дьяволов в героев, а большинства генеральных секретарей – из героев в дьяволов);
- восстановление храмов и демонстративная религиозность политических лидеров и т.п.

При этом некоторые реставрационные проявления приобретали алогичный, полукурьезный, а то и трагикомический характер, лишней раз доказывающий справедливость древнего афоризма о невозможности вступить в одну реку дважды. Парадоксально выглядят попытки восстановления существовавших в дооктябрьской России социальных

отношений и институтов – от сословий до монархической власти. Разумеется, мало, кто станет возражать против освоения и развития культурного наследия дворянской интеллигенции или традиций казачества как особого российского субэтноса. Но когда поднимается вопрос о придании дворянам или казакам статуса сословий в качестве условия развития «новой России», то полезно чаще вспоминать азбучные истины социологии, согласно которым сословный тип социальной стратификации является признаком доиндустриальной средневековой цивилизации (феодализма), тогда как руководство постсоветской России неоднократно заявляло о намерении двигаться к цивилизации постиндустриальной.

В историко-аксиологическом аспекте в паре «*революция – контрреволюция*» первое из этих понятий означает прогрессивное преобразование, качественный скачок в движении общества вперед, тогда как второе – преобразование регрессивное, откат назад. Поскольку возникновение качественно новой общественной системы – не всегда прогресс, а восстановление прежней – не всегда регресс (революции тоже бывают консервативными), понятия реставрации и контрреволюции взаимосвязаны, но не тождественны. Последнее, подобно понятиям «прогресс» и «регресс», имеет ярко выраженный аксиологический акцент. В силу этого оценка тех или иных исторических событий как революционных или контрреволюционных является относительной и определяется двумя группами факторов: во-первых, объективными последствиями этих событий для общества, которые нередко выявляются спустя многие десятилетия; во-вторых, мировоззренческими и научными позициями исследователя, включая его отношение к проблеме общественного прогресса и методам преобразования общества.

В последнее время предприняты попытки, рассматривая проблему на политико-философском уровне, вынести ее решение за рамки традиционной «системы координат», введя для обозначения событий 1985-1991 гг. в Восточной Европе и Советском Союзе понятие «*антиреволюция*». При этом главный аргумент в пользу введения нового термина заключается в том, что эти события не только положили конец революционному циклу, связанному с Октябрем 1917 г., но и завершили целую эпоху революционности, порожденной Просвещением, более того, положили конец самой логике просветительской модернизации и связанной с ним революционности. «Изживание «просветительского революционизма», – отмечает Р. Саква, – означает отнюдь не то, что больше не будет восстаний, переворотов, мятежей и бунтов, а то, что изменился философский смысл подобных событий»¹, а именно: «отсутствует универсальная система светских догматов, которая могла бы

¹ Саква Р. Конец эпохи революций: антиреволюционные революции 1989-1991 годов // Полис.- 1998.- № 5.- С. 24.

подкрепить надежды на то, что политический переворот откроет путь в царство справедливости, заложит основы лучшего мира»².

При этом, согласно Р. Сакве, «отказ от революционного социализма был не «революцией наоборот».., или сокращенно, контрреволюцией, а «противоположностью революции».., т.е. оппозицией революционному процессу как таковому»³. Аргументируя данный тезис, автор концепции называет два, по его мнению, кардинальных различия между антиреволюциями и контрреволюциями: «во-первых, они (антиреволюции – *О.С.*) пытались преодолеть реальные революции, происшедшие в соответствующих странах в 1917 и 1945-48 гг., и, во-вторых, они полностью отвергли всю логику революционного мышления, подчинявшую себе воображение европейцев на протяжении почти двух столетий»⁴.

Позиция Р. Саквы приведена здесь столь подробно не только вследствие ее оригинальности, но и для того, чтобы предоставить возможность читателю самостоятельно убедиться в характере ее аргументации.

Во-первых, едва ли не единственным реальным основанием этой концепции служит сравнительно мирный, «бархатный» путь осуществления большинства революций 1989-1991 гг. Однако этого явно не достаточно для радикальных выводов об «антиреволюционных революциях», ибо возможность мирного осуществления революций признавалась и прежде, в т.ч. даже такими радикальными революционерами как основатели марксистской теории. Сказанное в значительной мере относится и к тезису о снятии противоположности между реформами и революцией. Такая противоположность в качестве абсолютной существовала лишь в головах революционеров-догматиков, тогда как в реальной жизни реформы нередко перерастали в революцию и практически всегда ее сопровождали, завершая в постреволюционный период процесс трансформации одной общественной системы в другую.

Во-вторых, не более убедительными выглядят аргументы в защиту отличий антиреволюции от контрреволюции: достаточно напомнить, что те, кого Ж. Кондорсе в конце XVIII в. именовал контрреволюционерами, также искали свои социальные идеалы не в будущем, но в прошлом (своей страны) или настоящем (феодальной Европы).

В-третьих, осуществление новейших революций в индустриальных обществах и к тому же в мирное время действительно отличает их от большинства предшественниц. Однако отсюда вовсе не следует, будто эти революции кладут конец просветительскому пониманию модернизации. Скорее, наоборот: их лидеры почти повсеместно выдвигали лозунг «возвращения в цивилизацию», представляющий собою по сути вариант

² Там же.

³ Там же. - С. 30.

⁴ Там же. - С. 26.

хрущевского призыва «Догнать и перегнать», но не за счет более быстрого развития системы, а путем кардинального изменения типа общественного развития.

Логика поведения новейших российских «антиреволюционеров» по всем остальным параметрам, включая готовность к применению насилия, воспроизводила логику поведения их предшественников, несмотря на противоположную направленность социального действия и бесконечные заявления о разрыве с традициями прошлого. Возможно, именно эти заявления Р. Саква и принял за сущность процесса. Более того, утверждение о преодолении просветительской логики представляется безнадежно оптимистичным и в отношении политических лидеров индустриально развитых стран: войны в Югославии, Афганистане и Ираке убедительно показали, что и среди них преобладает революционно-просветительское стремление «железной рукой загнать человечество к счастью».

Наконец, в-четвертых, что касается легкости осуществления «договорных революций», то она находит вполне реалистическое объяснение в бюрократическом характере этих революций (см. ниже).

Термин «*смута*», нередко используемый для характеристики современного этапа российской истории, не может быть определен через оппозицию к термину «революция». В действительности термин «смута», во-первых, представляет собой, скорее, образную характеристику, чем научную категорию либо понятие, характеризующее совокупность конкретных исторических событий, но не категорию политической или социологической науки. Во-вторых, при самых разнообразных трактовках применение данного термина к современному периоду российской истории некорректно, ибо это явно период революции либо инволюции (деградации, разложения). По логике вещей, смута должна заканчиваться восстановлением статус-кво с незначительными отклонениями в ту или иную сторону. В России же восстановление прежней системы невозможно.

Как уже отмечалось, в 90-е гг. XX в. термин «революция» для характеристики происходивших в стране процессов практически не применялся. Однако в начале нового века отказ от использования термина сменился его апологией, причем инициатива исходила как раз от тех, кто в свое время не только в значительной степени определял характер трансформационных процессов, но и присвоил им наименование реформ, утверждая, что «Россия лимит на революции исчерпала».

Так, бывший помощник первого Президента России М. Краснов, отвечая на вопрос: «Что произошло в России в последнее десятилетие XX века?» заявляет: «Произошла революция. Причем Великая революция, т.е. масштабная смена общественного и государственного строя, всего уклада жизни»⁵. Ему вторит Г. Саттаров, другой помощник Б. Ельцина,

⁵ Эволюция российской государственности. М., 2001.- С.9.

отмечающий, что «общество, которое не умеет вовремя осуществить эволюцию, заслуживает революции», называющий события конца XX века нашей великой буржуазной российской революцией и прогнозирующий ввиду ее незавершенности новые революции⁶.

Новое обращение к термину «революция» объясняется, на наш взгляд, следующими причинами:

а) период революционных преобразований в России завершен, наступил период стабилизации и реформирования постреволюционного политического режима. В новых исторических условиях правящей элите нет необходимости скрывать характер произошедшей в стране трансформации. Не случайно Президент РФ В.В. Путин уже в одном из телевизионных выступлений в октябре 2002 г. назвал события начала 1990-х гг. «бархатной» революцией;

б) если в конце 80-х – первой половине 90-х гг. прошлого века был дискредитирован термин «революция», то к началу XXI века дискредитированным оказался и термин «реформа». Ныне в массовом сознании этот термин прочно ассоциируется прежде всего с ухудшением социально-экономического положения.

Итак, популярное на рубеже 1980-90-х гг., особенно в зарубежной публицистике, выражение «вторая русская революция» гораздо точнее отражает характер российского социально-политического процесса, чем термин «реформы». Самой слабой частью этой характеристики является порядковое числительное, ибо в зависимости от принятой системы отсчета и объема понятия (революция социальная или только политическая, предполагающая смену лидеров или резкий поворот политического курса) «вторая русская революция» может оказаться как третьей (после 1905 и 1917 гг.), так и шестой (после 1905, февраля 1917, октября 1917, перехода к НЭПу и сталинского перелома), а скорее всего должна рассматриваться в контексте революционной эпохи (1917 – 1997 гг.).

Революция как историческая ситуация

Суть любой *революции как исторической ситуации* (независимо от конкретной расстановки общественных групп и их интересов) в ее чрезвычайном и первоначально деструктивном характере, который жестко навязывает участникам событий определенные направления деятельности, методы борьбы и стереотипы отношений, но вместе с тем может содержать в себе колоссальные социально-инновационные потенциалы. Пока революция не началась, пока все идет «штатно», жизнедеятельность человека подчинена обычным нормам и происходит под контролем давно сформировавшихся социальных институтов. Но как только «механизм революции» запущен, привычные законы человеческой жизнедеятельности или работают «вхолостую», или подвергаются отрицанию, реализуясь «с точностью до наоборот». Неким слабым аналогом могло бы быть

⁶ Там же. - С. 44, 45.

сравнение работы человеко-машинных систем в привычном режиме и в режиме аварийном.

Иначе говоря, у революции свои признаки и законы, принципиально отличные от параметров функционирования социальных систем и существенно отличные от признаков и закономерностей других типов исторических ситуаций, включая сходные по некоторым характеристикам с революцией ситуации войн, экономических и политических кризисов и даже революционные ситуации, предшествующие революции во времени.

В большинстве своем общие ситуационные закономерности революций – системно или бессистемно, в «сборе» или по отдельности, с теоретическим обоснованием или без него – уже назывались в работах теоретиков левого и правого направлений, убежденных адептов «религии революции» или ее не менее убежденных противников. Однако именно в силу политической остроты вопроса, во-первых, существует сравнительно мало примеров объективного, неидеологизированного его изучения, а во-вторых, общие ситуационные закономерности революций обычно принимаются за конкретно-исторические и довольно часто – сознательно или бессознательно – приписываются лишь той (или тем) революции, идеология которой противоречит убеждениям аналитика. В особенности это относится к так называемым «первородным грехам» революции, которые легко и уверенно прозреваются сквозь толщу десятилетий (или даже столетий), но никак не обнаруживаются в революции, современником которой является иной автор. Впрочем, теоретики в данном случае идут за политиками и подчиняются той же ситуационной закономерности.

Подобно другим типам исторических ситуаций, революции обладают повторяемостью как в синхроническом (по «горизонтали»), так и в диахроническом (по «вертикали») плане. Последний, «диахронический» аспект повторяемости имеет в данном случае особое значение, поскольку, во-первых, в силу чрезвычайного характера данного типа исторических ситуаций и других факторов социокультурные особенности данной системы сказываются в эти периоды значительно меньше, чем во времена спокойного развития. Во-вторых, «жесткость» ситуационных закономерностей во время революции значительно возрастает. Именно поэтому Франция 1789-94 гг. по многим параметрам политического процесса гораздо более походит на Россию 1917-21 гг., чем на современные ей (Франции) Германию или Великобританию.

Любая социально-политическая революция в качестве исторической ситуации обладает определенным набором признаков и может рассматриваться:

- как катастрофа (или серия множественных катастроф);
- как радикальное отрицание;
- как всеобщий конфликт;
- как аномия;
- как «праздник»;

- как фактор глобальной мифологизации массового сознания;
- как процесс смены политических элит;
- как трансформация политического режима революционной демократии в режим революционного (или постреволюционного) авторитаризма
- наконец, как бифуркация.

При этом необходимо иметь в виду, по крайней мере, три обстоятельства.

Во-первых, каждая из названных характеристик и закономерностей с той или иной степенью интенсивности проявляется в любой революции нового и новейшего времени, то есть в тех типах социальных революций, которые включают в себя революции политические.

Во-вторых, ни один из этих параметров не может считаться исключительной принадлежностью данного типа исторических ситуаций. Напротив, некоторые из них в отдельности или в определенной избирательной совокупности наблюдаются и в других типах исторических ситуаций (ситуации кризисов, войн, реформ, катастроф и т.п.). Так, бифуркации в истории человечества могут быть связаны не только с социальными и политическими, но и с технологическими революциями; отрицание ярко проявляется в периоды реформ, смены культурных стилей или научных парадигм; аномия – в периоды войн, катастроф, разложения прежней системы; выдвижение мифов и утопий – во время генезиса новой социетальной системы и опять-таки в периоды реформирования.

В-третьих, полным набором названных характеристик и закономерностей не обладает ни один другой тип исторических ситуаций. В совокупности эти параметры дают то системное качество, которое характеризует только данный тип исторических ситуаций и никакой другой.

Социальная катастрофа

Под *катастрофой* в общенаучном смысле понимается процесс стремительного разрушения системы (либо одного или нескольких основных элементов этой системы), способный привести как к ее полному уничтожению, так и к переходу в новое качественное состояние.

Соответственно, понятием *«социальная катастрофа»* обозначаются аналогичные процессы в обществе, приводящие к большим людским, материальным и (или) духовным потерям. Особое место в системе социогенных общественных катастроф принадлежит социально-политическим революциям, которые обычно возникают в результате глубокого и длительного общественно-политического кризиса и неминуемо вызывают катастрофические последствия.

Определение *революции как катастрофы* (по крайней мере, в отношении к дореволюционной общественной системе) полностью соответствует российским социально-политическим процессам 1990-х гг. Более того, это время оценивается как период множественных катастроф,

включая производственно-экономическую, финансовую, технологическую, социальную, демографическую, нравственную и геополитическую. Действительно, спад производства в 1990-х гг. превысил аналогичные показатели Великой Отечественной войны (1941-45), хотя и не достиг показателей первой мировой и гражданской войн (1914-20). В стране оказалась подорванной база высоких технологий и фундаментальной науки, прошла волна деиндустриализации, причем во многих ключевых отраслях промышленности спад превысил 70%. К концу 1990-х гг. по объему внешнего долга страна вышла на первое место в мире (более одной тысячи долларов на душу населения) при федеральном бюджете, уступающем в долларовом исчислении бюджету Греции или Финляндии, и при уровне федеральных расходов на образование, сопоставимом с бюджетом одного крупного американского университета.

Катастрофическим в 1990-х гг. оказалось и состояние институциональной системы:

- серия кризисов и попыток государственного переворота, малая гражданская война в Москве в 1993 г., две локальные войны в Чечне и т.п. подорвали легитимность власти;

- правилом в тот период стали противоправные действия и систематическое невыполнение Конституции, законов и указов Президента, включая Указ № 1 Президента Б.Н. Ельцина;

- система преступных группировок не только контролировала значительную часть экономики, но и прямо воздействовала на власть.

Катастрофичность непосредственных результатов революции во многом обусловила и другую ее имманентную характеристику – *противоположность* этих результатов первоначально объявленным лозунгам. Применительно к новейшей революции в России это выглядит следующим образом:

- вместо преодоления «застоя» – глубочайший кризис, по размаху которого Россия не только догнала, но и многократно опередила США периода «великой депрессии»;

- вместо «вхождения в цивилизацию» – перемещение на уровень между средне- и слаборазвитыми странами, ближе к Египту и Доминиканской республике и на 25-30% ниже Сирии, Алжира, Туниса, Намибии и Ботсваны;

- вместо избавления от бюрократии – не только ее умножение, но и соединение в ней власти и собственности;

- вместо достойной оплаты квалифицированного труда – вытеснение большей части квалифицированных специалистов из «среднего класса» в «низший класс»;

- вместо подъема жизненного уровня – его падение в среднем в 3-5 раз к концу 1990-х гг.;

• вместо «экологии культуры», «культурного катарсиса» – господство пошлости и насилия в средствах массовой информации и т.д. и т.п.

Вопрос о том, насколько отдаленные последствия новейшей российской революции будут соответствовать ее первоначальным лозунгам, остается до сих пор открытым и зависит от многих факторов, включая, в первую очередь, выбор курса современной экономической политики.

Радикальное отрицание. Принцип «маятника»

Реализуясь в точке *бифуркации* (она же – граница меры, момент скачка), революция вместе с тем выступает как отрицание, причем не только в общефилософском, но также в социально-психологическом и политическом смысле.

В литературе, представляющей различные направления радикальной революционной мысли, широко распространено представление, согласно которому чем глубже и решительнее производится разрушение прежней социальной системы, тем быстрее будет происходить и последующее движение вперед, к новому социуму. Однако оно, по меньшей мере, спорно. Напротив, более радикальные революции, как правило, являются и более масштабными катастрофами, разрушая не только отжившие социальные отношения и институты, но также на некоторое время и основы общецивилизационного развития.

Будучи по социально-политической и идеологической направленности отрицанием прежней общественной системы, революционный процесс в России в полной мере подтвердил наличие известного феномена «маятника» в качестве одной из необходимых характеристик революции как исторической ситуации. При этом колебания революционного «маятника» качественно отличаются от обычных циклов, хорошо изученных социальными науками, как «рваным» ритмом, почти неподдающимся математической формализации, так и особенно – амплитудой (по принципу: «из крайности – в крайность»).

Суть анализируемой логики исторического развития состоит в том, что чем дальше революция выходит за пределы решения исторически возможных задач, тем больше последующий откат назад, затем – новый цикл, и так до тех пор, пока не установится некое подвижное равновесие и события не войдут в нормальное при данном уровне цивилизации русло. Так, во Франции в конце XVIII в. революция сначала шла до отказа влево, вплоть до якобинской диктатуры, затем – вправо: через термидорианский переворот и режим Наполеона к реставрации монархии Бурбонов; и снова влево: через революции 1830 и 1848 годов до Парижской Коммуны и ее подавления. Лишь затем началось более или менее нормальное буржуазное развитие. По аналогичной синусоиде развивалась и советская история: «военный коммунизм» – НЭП; сталинский «перелом» – хрущевская

«оттепель»; брежневский «застой» – перестройка и постперестроечные потрясения.

Стремясь разрушить прежнюю систему, на начальном этапе субъекты революционного действия заходят гораздо дальше реальных возможностей ее отрицания, что проявлялось практически во всех областях общественной жизни начала 1990-х гг. Затем под давлением объективных обстоятельств «маятник» частично возвращается назад. В постсоветской России это происходило, в частности, во второй половине 1990-х, однако лишь временно и в незначительных масштабах.

Всеобщий конфликт

Понятия «революция» и «конфликт» взаимопересекающиеся по объему. С конфликтологической точки зрения, революция – это конфликт:

1) открытый – прямое столкновение борющихся сторон;

2) по преимуществу внутренний, обусловленный внутренними противоречиями системы и призванный в той или иной форме их разрешить;

3) всеобщий и многомерный, т.е. проявляющийся во всех основных сферах жизни общества, вовлекающий в противоборство все основные социальные группы и политические организации, реализующийся как по горизонтали (внутри социально-политических структур), так и по вертикали (между подчиненными и руководящими структурами на всех уровнях организации управления);

4) в одной из его наиболее острых форм, отличающийся от функциональных конфликтов и конфликтов внутрисистемного развития крайне низкой эффективностью применения «цивилизованных» (т.е. выработанных современной цивилизацией) средств и методов регулирования, включая механизмы легитимации конфликта, либо их превращением в собственную противоположность.

В условиях любой революции факторы, вызывающие обострение конфликтов, явно доминируют над факторами их сглаживания (погашения). Применительно к новейшей революции в России среди первых заслуживают особого внимания:

- спад производства и потребления товаров, острые проявления дефицита в натуральной либо денежной форме;

- рост напряженности в межнациональных отношениях вплоть до разрушения прежней государственности, этнократическая политика в бывших республиках СССР (а отчасти – и в бывших Автономиях РСФСР), проявляющаяся, в частности, в виде «великодержавного сепаратизма» (т.е. стремления отделиться от более крупного государственного образования, одновременно пресекая подобные тенденции со стороны этнических меньшинств на собственной территории);

- борьба за власть и собственность между различными эшелонами управленческого аппарата, общесоюзной и республиканскими, а затем общероссийской и региональными элитами;

- скачкообразный рост социального неравенства, дифференциация по доходам, значительно превысившая уровень не только Западной Европы и Японии, но и США;

- количественный и качественный рост социальных различий между общественными группами, выделяемыми по большинству других оснований социальной стратификации;

- глубокий субкультурный, в т.ч. ценностный, разрыв между разновозрастными когортами, «конфликт поколений», усиленный, среди прочего, ускорением исторического времени, более быстрой адаптацией молодежи к новым условиям и более глубокой аномией в молодежной среде;

- борьба между «олигархами» (т.е. крупнейшими финансовыми и финансово-промышленными группами) за перераспределение собственности и влияния на власть во второй половине 1990-х гг. и в начале XXI века;

- рост зарегистрированной и скрытой безработицы;

- усиление отчуждения народа от власти после провала попыток создания некоего аналога «демократии участия» в конце 1980-х гг.;

- идеологический раскол общества, в т.ч. по линиям «правые – левые», «либералы – государственники», «западники» – «патриоты» и т.п.

Анализ динамики конфликтов в России конца 1980-х – 1990-х гг. и наиболее острых форм их проявления показывает, что после победы антикоммунистической революции в августе 1991 г. наиболее существенным (отражающим сущность процесса) конфликтом, интегральным, ведущим противоречием стала борьба не между социалистическими и рыночными (буржуазными) тенденциями, но между сторонниками различных моделей рынка (промышленно-рациональной и торгово-криминальной).

Аномия

Интерпретация *революции как аномии* позволяет выделить следующие основные характеристики данного феномена в революционных условиях и особенности их проявления в России 1990-х гг.

Во-первых, качественный рост несанкционированной, деструктивной аномии и разного рода девиаций, что детерминировано прежде всего глубиной революционной катастрофы.

Во-вторых, как следствие отрицания и других атрибутов революции – появление предписанной аномии, когда сама аномия (т.е. безнормность) становится нормой, углубление дисфункций в прежней системе выступает как одна из функций революции, отказ от системы прежних норм и ценностей сам становится системой, а не исключением, как это обычно имеет место. Такой отказ рассматривается как обязательный для представителей революционных групп и их лидеров.

В-третьих, если принять в качестве рабочей гипотезы концепцию Р.К. Мертон, согласно которой основными формами аномии выступают конформность, ритуализм, ретритизм, инновация и мятеж, становится очевидным, что в революционных условиях происходит рост и модификация всех этих форм проявления, однако особую роль играют две последние. Большинство революций нового и новейшего времени прокламировали намерение сохранить общецивилизационные (общечеловеческие) компоненты нормативно-ценностной системы, решительно заменив при этом компоненты формационные (идеологические) и обеспечив тем самым подъем общества на новый уровень цивилизации. Следовательно, в отличие от обычной инновационной аномии, количество новых элементов нормативно-ценностной системы в данном случае переходит в ее собственное новое качество.

В-четвертых, поскольку каждая революция отрицает специфические нормы и ценности прежней системы, поскольку она разрушает эту систему с помощью насилия в той или иной форме, т.е. методами, по обычным, неревлюционнм меркам противозаконными, каждая революция в этом смысле выступает как криминальная.

В-пятых, естественным продолжением, дополнением, а отчасти и следствием нового качества аномии становятся революционные социопатии. Если в обычных условиях с социологической точки зрения аномия – это нормальная реакция нормальных людей на ненормальные обстоятельства (Р.К. Мертон), то в революционных условиях речь в известном смысле идет уже и о «ненормальных» людях с «ненормальной» реакцией, иначе говоря о превращении аномии в социальную психопатологию.

Если по первым двум из названных характеристик отличия новейшей российской революции от своих предшественниц несущественны, то по трем другим – весьма значительны. Так, ее идеологи не предложили никакой новой системы ценностей, в отличие от французских и американских революционеров конца XVIII в., выдвинувших в качестве таковых идеи индивидуальной свободы и прав человека, равно как и от российских революционеров 1917 г., предложивших в качестве основы новой нормативно-ценностной системы идею социального равенства. В отличие от тех же революций, где социопатии возникали, как правило, на почве левого радикализма, новейшая революция в России породила социопатии противоположного толка, возникающие на основе радикального правого либерализма.

Наконец, подобно предшественницам, дополняя, так сказать, «исторический криминал» обыденным, новейшая отечественная революция стремилась возвести этот обыденный криминал в ранг исторического, в т.ч. посредством частичной криминализации не только оперативного, но и официального кода морали. В начале 1990-х гг. как

средства массовой информации, так и официальные лица поразительным образом сочетали призывы к соблюдению христианских заповедей даже не с их нарушением на практике (что характерно и для высокоразвитых индустриальных стран), но с пропагандой прямо противоположных ценностей, утверждая, будто в криминальном характере новейшего российского капитала нет ничего плохого, поскольку все страны прошли тем же путем и при этом потомки вчерашних пиратов и «разбойников с большой дороги» быстро цивилизовались, превратившись в двигатель прогресса.

При этом главной формой предписанной аномии, а вместе с тем и главным фактором криминализации общества стала избранная ваучерная модель приватизации. Благодаря ей, с одной стороны, не приходилось выдвигать лозунг «грабь награбленное», ибо разделяемая собственность была в подавляющей своей части не отобрана у бывших владельцев, а создана трудом миллионов всеми презираемых и проклинаемых «гомо советикус». С другой стороны, уже накопившееся в условиях «развитого социализма» отчуждение работника от собственности, а равно и иллюзии ее равного раздела на всех, до минимума свели сопротивление работников предприятий, которые в других условиях, несомненно, претендовали бы на совладение ими. Уникальность ситуации заключалась, следовательно, в том, что расхищение государственной собственности было временно возведено в ранг государственной политики.

«Праздник»

Интерпретируя *революцию как праздник* (не только для угнетенных, но и для будущих угнетателей) и обращаясь к исследованию этого феномена в культурологической литературе и, в частности, к работам М.М. Бахтина, легко убедиться, что все основные атрибуты праздника с теми или иными модификациями присущи и революции как исторической ситуации. К числу таких атрибутов могут быть отнесены следующие.

1. Карнавализация, включая использование революционерами нового и новейшего времени исторических «костюмов» героев иных эпох: во Франции в конце XVIII в. и в России в 1825 г. – древнеримских; во Франции в 1848-50 и в меньшей степени в России в 1917-20 г. – периода Великой французской революции XVIII в. и т.п. В период новейшей российской революции карнавализация проявлялась слабее, чем раньше, однако отечественные политики (либо сами, либо при помощи идеологов и журналистов) регулярно примеряли на себя «костюмы» Столыпина, Пиночета, Наполеона.

2. Ощущение почти неограниченной свободы, всплеск народной площадной стихии в противовес жестким рамкам ролевого поведения в обычной (непраздничной) жизни. Свобода – не только универсальный революционный лозунг с наиболее высоким мобилизационным потенциалом (не случайно он выдвигался как в наборе с равенством, братством и отменой частной собственности, так и в прямо

противоположном наборе – с частной собственностью, неравенством (ликвидацией уравнительности) и индивидуализмом). Ситуативное расширение негативной свободы (свободы от) действительно имеет место в революции, хотя оно происходит волнообразно и отнюдь не обязательно сопровождается увеличением пространства свободы позитивной.

Негативная свобода достигает пика в первый период революции – в период революционной демократии (или анархии), сводится до минимума в ее второй период – период революционной или постреволюционной диктатуры, а затем вновь постепенно расширяется. В этом, среди прочего, проявляется и феномен «маятника». Напротив, позитивная свобода для широких слоев народа обычно приближается к нижней критической границе как раз в период революционной катастрофы, которая, в свою очередь, может достигать наибольшего размаха как при революционной демократии, так и при революционной или постреволюционной диктатуре. Обычно наибольшая глубина падения приходится на конец первого из этих периодов и начало периода второго, тогда как экономический подъем, как правило, приводит не только к расширению позитивной свободы, но и к краху постреволюционной диктатуры, раздвигающему вместе с тем и границы свободы негативной.

По сравнению со своими предшественницами (например, революцией 1917 г.) новейшая российская революция гораздо меньше ограничивала негативную свободу граждан, используя в качестве главного средства управления не столько прямое насилие, сколько информационное манипулирование. Однако с точки зрения позитивной свободы ее результаты для большинства населения при сопоставлении за конкретный исторический период относительно мирного постреволюционного развития значительно проигрывают. Помимо этого, в отличие от предшественниц, революции конца 80-х – 90-х гг. XX в., в т.ч. и российская, резко расширили границы позитивной свободы для богатых и значительно – для обеспеченных, столь же существенно ограничив ее для малообеспеченных и бедных. Характеристика У. Пальме неоконсервативной волны на Западе в качестве «бунта богатых» в несомненно большей степени относится к новейшим революциям в Восточной Европе и России.

3. «Обратная иерархия» (М.М. Бахтин), т.е. замена привычной системы социальных статусов, ролей, норм и ценностей принципиально иной, вплоть до противоположной, что уже рассматривалось при характеристике революции как аномии.

4. Приобщение народа к историческому действию, преодоление обыденности, ощущение себя маленьким человеком в качестве субъекта истории, «сродни всему большому» (М.М. Бахтин). Хотя это ощущение сравнительно мало зависит от содержания революции, действительная роль «маленького человека» в исторических ситуациях данного типа весьма противоречива. Активной части народа принадлежит главная роль в

разрушении дореволюционной системы, и в этом смысле «маленькие люди», принявшие участие в таком разрушении, безусловно, становятся субъектами исторического действия. Не случайно впоследствии именно этот момент чаще всего фиксируется в исторической памяти народа как праздник.

Несравненно меньше роль человека из народа в создании системы постреволюционной. Во-первых, результаты революции сплошь и рядом бывают неожиданными даже для революционных вождей, более того, противоположными первоначальным лозунгам. В таких условиях чувство субъектности, возникшее у «маленького человека» в период разрушения прежней системы, нередко превращается в иллюзию либо через некоторое время может смениться разочарованием и ощущением своей полной подвластности враждебной среде.

Во-вторых, хотя ведущая роль в создании постреволюционной системы всегда принадлежит экономической и политической элите и выполняющей ее волю бюрократии, степень реального участия «простых» граждан в этом процессе, их реальная историческая субъектность во многом зависят от того, интересы каких общественных групп представляет новая элита и в каких группах она видит свою социальную и политическую опору. Критикуя старую бюрократию и рекламируя бизнесменов как носителей будущего процветания, в 1990-х гг. российская революционная власть быстро превратила чиновничество и «олигархов» в главную опору, породив глубокую апатию и разочарование в широких слоях народа.

5. Необъяснимый с рациональной точки зрения революционный оптимизм, крутой эмоциональный подъем, когда даже катастрофа воспринимается как веселая и обновляющая мир (М.М. Бахтин). Такой оптимизм, с одной стороны, во многом помогает людям перенести катастрофические последствия революций и нередко сопровождающих их гражданских войн, а с другой – в психологическом плане нередко оказывается сродни опьянению, заставляет не только массы, но и лидеров многократно преувеличивать реальные возможности и совершать стратегические ошибки. Без учета этого фактора невозможно объяснить, почему широкие слои народа почти безоговорочно верят в скорое наступление лучшей жизни, которое обещают им революционеры разных эпох и народов (включая программы типа «500 дней»), а также массовую поддержку, которую получают революционные лидеры, несмотря на первоначально катастрофические результаты их деятельности (включая голосования за лидеров одного и того же направления в России 1991, 1996 и 2000 гг.).

М. Джилас обосновал вывод о длительности революционно-оптимистических настроений в качестве одной из особенностей коммунистических революций. Помимо привлекательности идеи социальной справедливости и массивной пропаганды, эта

длительность подкреплялась реальным движением общества вперед, повышением уровня цивилизации, несмотря на колоссальные жертвы и разрушения. От противного концепция Джиласа подтверждается непродолжительностью революционно-оптимистических настроений в России конца 1980-х – 1990-х гг., которая вызвана тремя причинами. Среди них:

- глубина и длительность всеобщего кризиса;
- явное преобладание антимодернизационных, противомодернизационных тенденций над тенденциями модернизаторскими, процивилизационными;
- относительная меньшая жесткость внедрения новой идеологии в массовое сознание (при очень высокой плотности информационных потоков плюрализм отчасти сохранялся, а насилие имело гораздо меньший размах и несравненно более мягкие формы);
- отсутствие привлекательной идеологии, масштабного и продуктивного исторического мифа.

Смена политических мифов

Революция является одним из типов исторических ситуаций, которые особенно активно порождают *мифологизацию массового сознания и распространение социально-политических утопий*, причем данная характеристика революции напрямую связана с другими ее параметрами. Так, всеобщее некритическое отрицание прошлого, наряду с глубокой и почти универсальной аномией, стремительно разрушает прежние мифологемы и тем самым расчищает место для новых. Человек, оказавшийся в условиях революционной катастрофы, как правило, стремительно переходит от отчаяния к надежде и обратно, причем надеяться нередко приходится лишь на фантастические варианты спасения, что создает благодатную почву для новых мифов. Ощущение социальной бифуркации рождает массовую тягу к конструированию будущего, к созданию огромного количества проектов желаемого общественного устройства, в большинстве своем утопических. В свою очередь, присущие революции как празднику чувства свободы, оптимизма и социального творчества способны создавать иллюзорные представления о методах и сроках реализации этих идеальных проектов.

Можно выделить следующие основные параметры революционно-мифологического сознания на примере новейшей революции в России.

1. Стремительное разрушение прежней мифологии (псевдокоммунистической) и столь же стремительная замена ее новой, противоположной по содержанию (псевдолиберальной).

2. Обилие политических мифов, среди которых ключевую роль в новейшей отечественной революции сыграл миф о независимости России.

3. Крайнее упрощение системы политических мифов и их поляризация, пропорциональная поляризации интересов общественных групп и обострению политической борьбы. При этом господствующему

мифу революционеров о «светлом будущем», как это было и в России, противостоит обычно миф радикальных консерваторов о не менее «светлом прошлом».

4. Значительная доля утопий и антиутопий в составе политических мифов. При этом под утопией мы понимаем такой вид политического мифа, который отличается, по крайней мере:

- объектом отражения (утопия – отражение не существующей, но желаемой реальности, тогда как миф может отражать в фантастической форме и вполне реальные объекты);

- полнотой конструкции (социальные и политические утопии охватывают обычно целую систему представлений, выраженную в логически или художественно законченной форме, тогда как миф вместе с тем может быть отражением определенной стороны, элемента этой системы);

- прямым побуждением (по крайней мере, в революционные и иные переломные моменты истории) масс людей к политическому действию.

Другими словами, всякая социальная и (или) политическая утопия, пока она не реализована, есть миф, но отнюдь не всякий политический миф может быть назван утопией.

Роль утопии как предшественницы проекта (М.Г. Алексеев) в революциях весьма противоречива. Не только массы, но и политические элиты, действуя исключительно на основе рациональных мотивов, скорее всего, не смогли бы свершить, а, возможно, и не решились бы начать революционное действие, будь они наперед способны с точностью рассчитать глубину катастрофы, размах насилия и непосредственные результаты собственного исторического деяния, как правило, противоположные первоначальным лозунгам.

Утопичность революционного сознания выражается в представлениях не только об идеальном будущем, но и об идеально коротких сроках его пришествия. При этом утопическое сознание выступает не только как отражение реального ускорения исторического времени, когда дни революции, с точки зрения развития общества, действительно оказываются важнее годов спокойного функционирования (В.И. Ленин), но и как фактор такого ускорения, поскольку великие и в большинстве своем утопические цели рождают у субъектов исторического действия ощущение праздника и энергию, неведомую в обычное время.

Следовательно, в революционную эпоху полное освобождение массового сознания от социально-политических мифов вообще и утопий, в особенности, не только не всегда возможно, но и не всегда необходимо, а иногда вредно, особенно если это утопии продуктивные, а не контрпродуктивные, относительные (нереализуемые при данных условиях), а не абсолютные (нереализуемые в принципе). Новейшая российская революция, среди прочего, проигрывает своим великим

предшественницам и потому, что не выдвинула относительной продуктивной утопии, способной мобилизовать широкие слои народа.

Смена элит. Бюрократическая революция

Анализ революционного характера российского социально-политического процесса 1990-х годов с точки зрения сформулированного классиками политологии закона *смены политических элит* приводит к выводу о том, что и в данном случае этот закон проявлялся, хотя и в своеобразной форме. В отсутствие оформленной контрэлиты названная выше смена выразилась в том, что первый эшелон политических лидеров был оттеснен вторым, союзная политическая элита – элитами республиканскими и т.п.

Образная характеристика этого феномена достаточно удачно выражается формулами: «революция замов и экспертов», «преображенская революция» (подразумевая мгновенное преобразование радикальных коммунистов в столь же радикальных антикоммунистов) и т.п. Более строгими являются термины «бюрократическая революция» или «революция управляющих». На возможность таких революций указывали, с одной стороны, сторонники классического марксизма, увязывая их с перерождением постреволюционных режимов в условиях свертывания демократии и характеризуя термином «контрреволюция», а с другой – создатели технократической идеологии, полагая их прогрессивными и рассматривая как естественное следствие революций технологических.

Доказательства бюрократической природы новейшей российской революции содержатся в ответе на древний вопрос: кому выгодно? Главные из них состоят в следующем:

- численный рост управленческого аппарата (в центре – примерно в 3 раза, в регионах – в 1,5-2 раза);
- улучшение положения управленцев по отношению к общественным группам, получающим доходы от исполнительской деятельности, а во многих случаях – и по отношению к прежнему уровню их собственных доходов с учетом инфляции при одновременном росте затрат на обслуживание управленческого аппарата и так называемых привилегий;
- предельное ослабление контроля над управленческим аппаратом как «сверху», так и «снизу» вследствие, с одной стороны, ослабления партийно-идеологического контроля, а с другой – свертывания демократии и нарастания авторитаризма;
- присвоение в процессе приватизации непропорционально большой доли бывшей государственной собственности, что по значимости на порядок превосходит все остальные доказательства вместе взятые.

Гипотеза, согласно которой управленческий аппарат (бюрократия) выступал в качестве одной из главных движущих сил новейших революций, не только объясняет «бархатные», «договорные» формы их реализации, но и является ключом к пониманию процесса разрушения

СССР: именно стремление второго эшелона государственной бюрократии избавиться от власти эшелона первого, стремление республиканских политических элит «освободиться» от элиты союзной, а не «заговор русофобских сил», стало главным непосредственным фактором разрушения прежней государственности.

Даже в ситуациях подлинно великих и прогрессивных социальных революций на практике до сих пор фактически нигде не удавалось разрешить противоречие между демократической природой революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Коренная ломка («радикальная трансформация») одной общественной системы и замена её другой, как правило, невозможна без сильной власти. Такой власти требуют: множественные катастрофы и мобилизационная экономика, с помощью которой их обычно приходится преодолевать; необходимость регулирования и подавления социальных конфликтов, угрожающих полным уничтожением общественной системы; деструкция (разрушение) социальных институтов, связанная с нею аномия и политическая анархия и т.п. Однако, с другой стороны, как показывает исторический опыт, «диктатура пролетариата» очень легко превращается в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры – в вождей авторитарных или тоталитарных режимов.

Теоретические ключи к решению данной проблемы хорошо известны. Главный из них – развитие «демократии участия» (партиципаторной демократии), «базисной демократии», «самоуправления трудящихся» и т.п. Однако с помощью этих ключей «дверь» в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

Таким образом, происходящая в ходе революционных трансформаций смена политических режимов вполне укладывается в схему, хорошо известную еще античным мыслителям: авторитаризм – попытка создания «демократии без берегов» (охлократии) – новое нарастание авторитарных тенденций. Эта логика вполне соответствует и описанному выше феномену «маятника».

В новое и новейшее время, среднестатистически, в крупном историческом масштабе, демократические политические системы оказываются более жизнеспособными, нежели антидемократические. Эту ситуацию отражает известная формула У. Черчилля, согласно которой демократия — это плохая форма управления, но ничего лучшего человечество еще не выдумало. Однако в каждом отдельном случае обществу приходится искать оптимальную меру демократии, тот ее уровень, который оно может себе позволить. Поэтому в новое и новейшее время в целом преобладает демократическая тенденция. Но развитие общества и в этом отношении происходит циклично, волнообразно. Так, согласно одному из американских исследований, мир пережил — если перефразировать терминологию Н.Д. Кондратьева — три длинные волны демократических колебаний.

Первая началась в середине XIX в. и продолжалась до первой мировой войны. В результате введения выборности и расширения избирательных прав к этому времени на Земле насчитывалось около 30 государств с демократическим режимом. В период между двумя мировыми войнами волна «отхлынула», что выразилось, главным образом, в формировании тоталитарных режимов (Муссолини, Гитлера, Сталина и др.). К 1942 г. на планете осталось около 15 государств с демократическими режимами.

Вторая волна началась после разгрома гитлеровской Германии и самурайской Японии и продолжалась до середины 1970-х гг. Ее откат приходится, условно говоря, на десятилетие 1975—1985 гг.

С середины 1980-х гг. начинается новый «прилив» демократии, и в настоящее время, по оценкам американской организации «Фридом Хаус», при демократических режимах живут не менее 70 % землян — абсолютный мировой рекорд всех времен и народов. Разумеется, можно спорить о критериях деления государств на демократические и недемократические, выбранных «Фридом Хаус», еще больше — о ее праве вынесения «приговора» по этому вопросу. Однако сама тенденция последнего десятилетия отражена, по-видимому, верно.

Вместе с тем политологи в большинстве своем отмечают, что демократия — явление хрупкое и не существует абсолютных гарантий ее сохранения даже в развитых странах Запада, не говоря уже о странах с переходной экономикой или третьем мире. Согласно логике циклического развития, на смену демократическому «приливу» должен прийти «отлив». Есть основания полагать, что в настоящее время он уже начался.

Таковы в самом общем виде основные параметры и закономерности революции как исторической ситуации. Их система, выстроенная с помощью метода политико-ситуационного анализа, позволяет не только осмыслить сложнейший период постсоветской истории, но и прогнозировать обозримое будущее. Особое значение для этих целей имеет еще одна ситуационная характеристика революции, о которой речь пойдет ниже.

2. Революция как бифуркация. Основные сценарии развития постсоветской России

Революционная бифуркация и свобода

Система характеристик революции как исторической ситуации не может быть полной без понимания того, что любая социально-политическая революция является бифуркацией (от лат. bifurcus — раздвоение). Иногда этот термин употребляется как синоним термина «катастрофа», однако, в соответствии с этимологией, более точным является применение его для обозначения точки кризиса системы, после которой возможно ее развитие в различных направлениях, вплоть до полного уничтожения. Очевидно, что любой революционный кризис

такому пониманию бифуркации вполне отвечает, и тем более, чем он глубже. После каждой революции возникает новый этап, новая линия в развитии общественной системы, и это не случайно. В условиях «спокойного» функционирования данного социума, циклического воспроизводства его отношений и институтов социальные инновации, разумеется, возникают, но они всегда достаточно жестко ограничены наличными условиями. Возможность инноваций, выходящих за рамки системы, является здесь, скорее, абстрактной, что и служит основой и известным оправданием для функционализма как социологической парадигмы.

Совершенно иначе выглядит ситуация революционного кризиса: все или большинство социальных институтов разрушены или расшатаны; вера в прежние ценности ослабевает, как и контроль за соблюдением социальных норм; более того, людьми овладевает желание отринуть прежнюю систему любой ценой, а новизна, независимо от того, ведет она к лучшему или к худшему, превращается в самоценность и обретает неодолимую притягательную силу. В этих условиях общественные группы, выступающие как субъект истории, при поддержке широких масс действительно способны направить развитие событий в то или иное русло (хотя отнюдь не всегда – в желаемое), а возможность появления принципиально новой социетальной системы из абстрактной превращается в реальную.

Решение старого теоретического спора о том, расширяется или ограничивается свобода выбора в революционных условиях выглядит парадоксально: качественное расширение альтернативности развития при количественном ограничении свободы выбора управленческих решений. Анализ отечественной реальности 1990-х гг. это подтверждает.

Возрастание альтернативности в революционных условиях детерминируется:

- расшатыванием или разрушением социальных институтов прежней системы, устанавливавших границы деятельности и поведения людей;
- возможностью появления принципиально новой системы. Иначе говоря, растет не количество альтернатив, а их качество. В обычных условиях альтернативы существуют в рамках данной системы, в условиях революции – альтернативы между различными типами систем.

В свою очередь, ограничение свободы выбора политико-управленческих решений в условиях революции является результатом:

- массового, а иногда и всеобщего отторжения старого, резко снижающего вероятность возврата к прошлому (даже после поражения революции, что бывало отнюдь не редко, прежняя система практически никогда не восстанавливалась в дореволюционной форме);
- уменьшения количества более или менее эффективных управленческих мер в условиях чрезвычайной ситуации;

- резкого снижения вероятности выбора промежуточных путей («золотой середины») по мере радикализации политических сил, возрастания вероятности реализации радикальных (левого или правого) политических курсов.

Представление о революции как бифуркации приводит некоторых авторов к выводам о принципиально непредсказуемости ее результатов⁷. Однако в действительности бифуркационный характер данной исторической ситуации означает лишь то, что последующий исторический процесс является вариативным и может быть описан в виде нескольких различных сценариев. При этом описание таких сценариев, определение наиболее вероятного среди них и прогноз ожидаемых результатов его реализации оказываются вполне возможными.

Сценарии развития постсоветской России: прогнозы и результаты

Сочетание традиционных для социогуманитарных наук парадигм с методом политико-ситуационного анализа, исследование факторов формирования политического курса 1990-х гг. позволило проверить гипотезу о революционном характере российского социально-политического процесса, разработать в конце 1980-х гг. возможные сценарии развития России, а главное – определить наиболее вероятный сценарий и ожидаемые результаты его реализации⁸.

С учетом совершившейся (но не завершившейся к тому времени) революции в 1994 г. нами был разработан и в 1995 г. опубликован уточненный вариант прогноза, учитывающий уже не только цивилизационно-формационные ориентиры политического курса, но и методы их реализации, характер социально-политического режима. Этот уточненный прогноз включал уже четыре сценария. Позволю себе длинную цитату с их описанием.

«Сценарий первый: возврат к леворадикальному курсу, попытка восстановления уравнилельно-бюрократического социализма (этатистского социализма, административно-командной системы и т.п.). В плане исторических аналогий это можно рассматривать как уже третий в нашей истории (после «военного коммунизма» и сталинизма) вариант якобинской диктатуры. В идеологическом плане именно этот сценарий использовался как главное орудие устрашения населения и доказательство того, что нынешнему курсу альтернативы нет. В практическом плане вероятность реализации такого сценария близка к нулю. К ранее сформулированным аргументам, которые подтверждают это категорическое утверждение, необходимо прибавить следующее.

⁷ См., например: Моисеев Н. Тектология Богданова – современные перспективы // Вопросы философии. – 1995. - № 8. С. 12.

⁸ См.: Смолин О. Куда ж нам плыть? Размышления у придорожного камня истории // Вечерний Омск.- 1990.- 3 марта.- С. 5.

Во-первых, в России нет сколько-нибудь значимых политических течений, выступающих за леворадикальный курс, а небольшие группировки, разделяющие идеологию ортодоксального коммунизма, имеют репутацию, намного превосходящую реальные возможности. Что же касается единственной массовой левой партии – Компартии Российской Федерации, то она сделала заметные шаги от коммунистической идеологии к социал-демократической и от жесткой классовой позиции к выдвижению на первый план общегосударственных интересов.

Во-вторых, вследствие того, что новейшая российская революция была осуществлена прежде всего в интересах менеджеров («старой бюрократии»), в России сегодня нет сколько-нибудь заметной экономической либо политической субэлиты, которая бы выступала буквально за возврат к прежней системе. На фоне политического шума о противостоянии «реформаторов» и «антиреформаторов» на деле российскую политику формируют по преимуществу конфликты между представителями национального и компрадорского капитала, а также выходцами из прежних структур и нуворишами (в публицистике они обозначаются обычно терминами «бюрократы» и «теневики»). Власть любого политического течения, ориентированного на интересы одной из названных общественных групп, означает, конечно, отнюдь не возврат к доперестроечным временам, но лишь модификации постперестроечного курса.

Сценарий второй: ультраправый политический курс, установление режима фашистского типа. Прямой аналогии такому сценарию в истории революций найти не удастся, хотя совершенно очевидно, что его реализация означала бы перемещение «маятника» в позицию более правую, нежели та, в которой он находился в начале эпохи российских революций XX в. В идеологическом плане данный сценарий играет роль, аналогичную предыдущему. При этом вероятность его реализации выше, нежели первого, и тем не менее она представляется незначительной.

В настоящее время в специальной литературе и публицистике весьма часто встречаются аналогии между современной Россией и Германией 1930-х гг. И действительно, для таких аналогий есть основания: в обоих случаях радикальные настроения порождаются глубочайшим экономическим кризисом и ущемленными национальными чувствами. Более того, в России, помимо новейшей «великой депрессии» и разрушения прежней государственности, есть еще один мощнейший фактор социальной напряженности – смена типа социетальной системы (общественной формации). Тем не менее существует, как минимум, два фактора, резко снижающих шансы на реализацию правозэкстремистского сценария.

Первый из них – многонациональный состав населения и веками выработанные традиции совместной жизни разных народов. Распространенное в политической науке мнение о том, что в

многонациональной стране возможны проявления национализма в отношении определенных этнических групп (в российском случае – евреев, «кавказцев»), но невозможен фашизм как расовая теория и основанная на ней политика, – это мнение заслуживает серьезного внимания. Стоит заметить, что, например, требование пропорционального представительства этносов в органах власти и в средствах массовой информации выдвигается в России лишь группировками, находящимися на политической периферии, и отсутствует в программах сколько-нибудь заметных политических организаций.

Второй фактор – крайне негативное отношение к фашизму, закрепленное в историко-культурной памяти народа, что подтверждается многочисленными социологическими опросами. С точки зрения политической науки, распространенные в современной публицистике представления о том, что Россия «сошла с ума», поскольку около четверти политически активного населения проголосовало (в декабре 1993 г.) за «фашизм», не выдерживают никакой критики. Достаточно напомнить, что по целому ряду ключевых позиций (лояльность президенту, отношение к новому проекту Конституции) позиции ЛДПР и ее лидера совершенно совпадали с позицией лидеров «Выбора России».

Вообще если правый экстремизм в России имеет какие-то шансы, то обязан он этим не столько самому себе, сколько правящей политической элите от «Демократической России», точно так же как сама эта элита обязана своим приходом к власти правящей номенклатуре от КПСС. Речь здесь идет не только об объективных результатах того или иного правления, но и о том, что на рубеже и в начале 1990-х гг. либеральные средства массовой информации сделали очень много для разрушения антифашистских стереотипов в массовом сознании, всячески принижая роль победы Советского Союза в войне с Германией.

Сценарий третий: осуществление курса реформ по одной из левоцентристских моделей (китайской, нэповской, самоуправленческой и т.п.). С точки зрения исторических аналогий, как ни парадоксально, этот сценарий может быть назван «термидором». Термидор, как известно, не уничтожал основных результатов революции, но вводил ее ход в исторически возможное при данных обстоятельствах русло, хотя и не предотвратил движения вправо. В идеологическом плане различные модификации этого сценария предлагаются в настоящее время оппозицией как основа исторического компромисса для создания широкого общенационального блока, правительства национального доверия и т.п.

Тем не менее вероятность его реализации немногим выше, чем предыдущего. В пользу этого утверждения свидетельствует как все сказанное выше о современной исторической ситуации, маятникообразном движении вправо новейшей российской революции и ее бюрократическом характере, так и явно обнаружившийся процесс размывания центра,

понижающий шансы околоцентристских политических течений и предлагаемых ими моделей развития.

Кроме того, левоцентристский политический курс, как показывает исторический опыт, возможен либо при авторитарном режиме левого толка (например, когда у власти находятся компартии, ориентированные на реформы), либо при условии формирования широкого блока партий, представляющих интересы работников и национально ориентированного капитала, при преобладании в этом блоке течений левого толка. То и другое в современных российских условиях представляется проблематичным.

Сценарий четвертый: продолжение нынешнего курса с дальнейшим смещением его вправо, правоконсервативный политический режим с выраженным национально-государственным окрасом. С точки зрения исторических аналогий, данный сценарий представляет собой своеобразную попытку реставрации дооктябрьской России, «которую мы потеряли», хотя, разумеется, буквальная реставрация дореволюционной общественной системы была бы утопичной и реакционной одновременно. В идеологическом плане лозунг национального возрождения используется едва ли не всеми политическими силами, однако наиболее успешно – революционерами новейшей формации в целях более глубокой деструкции послеоктябрьских институтов»⁹.

Изменения в прогнозе 1994-95 гг. по сравнению с предыдущим связаны, во-первых, с появлением еще одного, правозкстремистского политического сценария, реализация которого приводила бы к установлению в России политического режима фашистского типа.

Во-вторых, было отмечено, что утвердившийся в начале 1990-х гг. в России радикально-либеральный экономический курс будет все более сочетаться с правоконсервативным политическим режимом и что вполне вероятно дальнейшее смещение политического курса вправо чревато переходом от авторитарно-демократического режима к законченному авторитаризму.

В-третьих, в уточненном прогнозе середины 1990-х гг. указывалось, что политический режим периодически станет приобретать национально-государственный окрас. Объективной основой для проявления этой тенденции являлись необходимость защиты национального производства и развитие национального капитала, попытки играть роль одной из великих держав, ущемление в правах русскоязычного населения в ближнем зарубежье.

В-четвертых, несмотря на увеличение числа политических сценариев с трех до четырех, шансы на реализацию всех сценариев, кроме основного, к середине 1990-х гг. резко уменьшились.

⁹ Смолин О.Н. Современная Россия: политические альтернативы на завтра // Переходная экономика: закономерности, модели, перспективы / Под ред. А.В. Бузгалина. М.: Экономическая демократия, 1995.- С. 215-220.

Вся совокупность описанных характеристик революции как исторической ситуации превращала этот сценарий в наиболее вероятный. Так, стремление к глобальному отрицанию дореволюционной системы вызывало в политических элитах и массовом сознании желание отторгнуть даже те ее черты, которые уже вошли в набор общецивилизационных ценностей или механизмов управления (система социальной защиты, регулирование рынка и т.п.). В свою очередь, множественные катастрофы, вопреки прекраснодушным намерениям, не позволяли приблизиться в цивилизационном отношении к индустриально развитым странам, но напротив, увеличили отставание от них.

В соответствии с ситуационными закономерностями революции, новый общественный идеал («рыночная экономика») был первоначально представлен в мифологизированной форме – массовое потребление без упорного труда, социального неравенства, социальных конфликтов, а квазидемократическая эйфория быстро сменилась насаждением авторитаризма «сверху» при поддержке «снизу». Влияние других параметров революции как исторической ситуации на формирование право-консервативного экономического курса и полуавторитарного политического режима прослеживается столь же определенно, равно как и тот факт, что вероятность реализации иных сценариев (кроме неофашистского) эти параметры понижают.

Аналогичные по главным выводам, хотя и различающиеся деталями, прогнозы были выполнены независимо друг от друга рядом специалистов, в т.ч. зарубежных. В качестве примера приведем выдержку из доклада группы английских парламентариев и экспертов под характерным названием «Почему «невидимая рука» российского Правительства указывает не в ту сторону». Цитирую:

«Нынешняя политика, проводимая российским Правительством, не может быть успешной – она противоположна той, которая необходима для успеха. С теоретической и технической точки зрения попытка внедрить полную либерализацию цен в монополизированной экономике неизбежно приведет к инфляции и краху внутреннего рынка, а не к экономическому росту. Такая политика является губительной, так как, благодаря реформам экономики, доминирующим рынком для России должен быть внутренний национальный рынок. Разрушение потребления ведет к волнениям населения и к опустошительному сельскохозяйственному кризису. Высокая норма процента приведет к удушению мелких производителей. Авторитарные политические решения с необходимостью будут сопровождать этот процесс. Низкая зарплата и авторитарные политические решения в России и бывшем СССР несут угрозу дестабилизации западноевропейцам.

Необходима политика, противоположная политике нынешнего Правительства. В качестве двигателя экономического развития должен рассматриваться внутренний рынок и в особенности массовое

потребление. Чтобы достичь этого, необходимо поддерживать реальную заработную плату. Защита должна быть обеспечена и сельскохозяйственным производителям. Необходимо проводить политику низкой нормы процента для поддержания потребления и помощи мелким производителям. Низкая норма процента требует сохранения валютного контроля и постепенного, а не мгновенного, движения к конвертируемости рубля. Экономическая основа для консолидации демократии в России лежит в обеспечении внутреннего рынка.

Демократическая Россия со стабильной национальной экономикой, а не экспортной ориентацией за счет низкой зарплаты, может быть мощным, но не угрожающим партнером для демократии Западной Европы»¹⁰.

Таким образом, отечественный опыт позволяет сделать три вывода.

Во-первых, социально-политические процессы в России в течение 1990-х гг. развивались по наиболее вероятному варианту (сценарию).

Во-вторых, ход и исход (непосредственные результаты) новейшей российской революции при этом сценарии в главном оказались вполне предсказуемыми.

В-третьих, тем самым получила подтверждение продуктивность как разработанного автором метода политико-ситуационного анализа вообще, так и исследование закономерностей революции как исторической ситуации – в особенности.

Убедившись в возможности и достоверности разработки краткосрочных прогнозов на основе используемого метода политико-ситуационного анализа, обратимся теперь к перспективам долгосрочным, причем начнем с глобального контекста российских трансформаций.

3. Демократический социализм XXI века: перспективы и препятствия

Сформулированная в названии раздела тема имеет, как минимум, две стороны: анализ прошлого и настоящего (что стало с миром в последние 50 лет) и прогноз будущего (что в результате этого нас ожидает), причем вторая сторона представляет собой большие теоретические трудности, чем первая. Трудности эти, помимо общих особенностей социального прогнозирования, связанных с его объектом, осложняются двумя обстоятельствами.

Во-первых, современное человечество явно переживает переход к новому типу общественной системы, причём как в цивилизационном, так и в формационном плане. Все пророки соглашаются, что мы живем в век перемен, но между пророками мало единства насчет того, что нас ждет впереди: одни обещают постиндустриальный рай, другие – глобальную катастрофу; одни уверены в полной и недалекой победе коммунизма, другие полагают, что концом истории станет западная либеральная

¹⁰ Рукопись предоставлена автору экспертом Лейбористской партии Великобритании Дж. Россом.

цивилизация.

Во-вторых, общество в странах Восточной Европы и бывшего СССР еще не вполне вышло из состояния системного кризиса. Образно говоря, мы оказались в глубокой яме, из которой в лучшем случае видны ближайшие кучи выброшенной земли, но совсем не видна отдаленная перспектива.

Следует заметить, что *понимание термина «демократический социализм»* в данном случае принципиально отличается от того его понимания, которое обычно используется «правой» (модернистской) социал-демократией. Большинство современных социал-демократов понимают «демократический социализм», как процесс, то есть как общественный идеал, к которому можно стремиться, но невозможно достичь.

Вместе с тем представляется, что «демократический социализм» – это одновременно и прежде всего – модель общественной системы, характеризующаяся определенным набором признаков:

- производство, основанное на высоких и экологически ориентированных технологиях;
- смешанная экономика с преобладанием общественных и коллективных форм собственности;
- приоритетное развитие образования, науки и культуры;
- ограниченное, по преимуществу основанное на результатах труда социальное неравенство и т.п.

Поэтому большинство социал-демократов так или иначе ориентируются на сохранение существующей модели, а большинство демократических левых – на ее изменение.

Сделав эти оговорки, начну с парадокса, который наверняка вызовет огонь критики как слева, так и справа: шансы на реализацию модели демократического социализма невысоки, но если цивилизация их упустит, резко поднимутся ее шансы на самоубийство.

В пользу возможности реализации модели демократического социализма можно предложить, как минимум, три основных аргумента, причем все они являются доказательствами не прямыми, а косвенными.

Аргумент первый основан на исторических аналогиях. До сих пор история не знала случаев, чтобы новая общественная формация, раз возникнув, затем безвозвратно уходила в прошлое и сменялась формацией предыдущей. Возвратные движения всегда были временными и восстанавливали прежнюю систему лишь отчасти (рабство в Америке, «второе издание крепостного права» в Европе, периоды реставрации в Англии и Франции). При этом, как уже отмечалось, чем больше та или иная революция выходила за пределы исторически возможных задач, тем больше («по принципу маятника») было возвратное движение к прежней системе. Представление о социализме как о тупиковой ветви цивилизации в этом смысле расходится со всем предшествующим историческим

ОПЫТОМ.

Аргумент второй исходит из исторической тенденции глобального масштаба. Сколько-нибудь объективный макроисторический анализ показывает, что вектор социального движения заметно смещается влево к более справедливому обществу. Так, феодальное общество (средневековая цивилизация) справедливее рабовладельческого; современный «социальный капитализм» – справедливее капитализма первоначального и т.п. Другими словами, более эффективное общество в конце концов оказывается и более справедливым, и наоборот. Предположение, будто в настоящее время эта тенденция сменилась противоположной, вряд ли справедливо и во всяком случае нуждается в проверке опытом многих десятилетий.

Наконец, третьим аргументом могут служить тенденции общественного развития в индустриально развитых странах Запада, связанные частью с современным этапом технологической революции, частью с влиянием «реального социализма», в основном уже ликвидированного, частью же с отношениями между странами «золотого миллиарда» и так называемым «третьим миром».

Речь идет о формировании экономического уклада, основанного на групповой собственности работников, об относительно высоком среднем уровне жизни, о развитой системе социальных гарантий, об активном экономическом регулировании, об ограничении социального неравенства и т.п. Многие специалисты - от социал-демократов до правых консерваторов типа Хайека – считают все это проявлением социализации и не без некоторых оснований.

Другими словами, рост цивилизации в развитых странах Запада во многом тождественен росткам посткапиталистических или социалистических отношений в них. И наоборот: разрушение даже бюрократического социализма в бывшем СССР и Восточной Европе сопровождается явным понижением уровня цивилизации и нарастанием варварства (в обыденном, а не строго научном смысле этого слова).

Однако трудности общества на пути к демократическому социализму едва ли не больше трудностей гомеровского Одиссея, который должен был проплыть между Сциллой и Харибдой у Геркулесовых столбов. Говоря точнее, подвиг Одиссея на этом пути человечеству придется повторить несколько раз в режиме некоего гигантского исторического слалома, через «огонь, воду и медные трубы». Вот лишь некоторые преграды из тех, что предстоит преодолеть.

1. Совершенно очевидно, что для перехода к новому обществу необходимы, как минимум, два условия: зрелость его предпосылок и нестабильность общества старого. Иными словами, необходимы предпосылки революции социальной и революции (реформы) политической. Точно так же совершенно очевидно, что условия эти формируются не одновременно, как полагали авторы Коммунистического

Манифеста, а одновременно. Не разделяю «теории отсталости» Н. Бухарина, однако простой статистический анализ показывает, что число революционных ситуаций в развитых странах в первой и во второй трети XX в. было на несколько порядков выше, чем в последней его трети. По-видимому, в этих странах период наибольшей нестабильности капитализма миновал, но зато предпосылки нового общества сформировались в настоящее время, как никогда прежде.

Напротив, как показывает опыт последних лет, наибольший рост левых настроений наблюдается в странах Латинской Америки, где предпосылки нового общества находятся лишь в стадии формирования.

2. До сих пор на практике никому не удалось разрешить противоречие между демократической природой социальной революции и авторитарной формой власти, вытекающей из революции политической. Когда Ф. Энгельс говорил, что революция – самый авторитарный акт в истории; когда М. Вебер разрабатывал идею плебисцитарной демократии и харизматического лидерства; когда современные политологи доказывают, что революционные режимы в большинстве случаев становятся авторитарными, все это свидетельствует об одном: коренная ломка или «радикальная трансформация» одной социетальной системы в другую, как правило, невозможна без сильной власти. Однако, с другой стороны, мы знаем, что диктатура пролетариата легко превращалась в диктатуру бюрократии, а харизматические лидеры – в гитлеров или муссолини. Диктатура же бюрократии ведет к бюрократической революции и реставрации капитализма, как это произошло во многих странах, включая СССР.

Теоретически ключи к решению этой проблемы хорошо известны. Главный из них – развитие самоуправления трудящихся. Однако с помощью этих «ключей» дверь в подлинно гуманное и демократическое общество до сих пор открыть не удалось.

3. Наконец, даже в теоретическом плане остается открытым вопрос о том, как разрешить противоречие между необходимостью большей социализации общества во имя его выживания и частными интересами крупных собственников, высших классов или отдельных государств.

Как известно, в начале 70-х гг. прошлого века Римский клуб выступил с критикой безудержного потребительства и неконтролируемого технического прогресса, предложив взамен идеи более регулируемого и справедливого общества, в котором социальное неравенство было бы поставлено под контроль. Удивляюсь, как в постсоветской России левого либерала А. Печчеи не объявили «красно-коричневым». В более мягкой форме «концепции устойчивого развития» эти идеи были поддержаны Конференцией по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Интересно, что в России первой из серьезных политических сил эти идеи включила в свою программу Коммунистическая партия Российской Федерации.

Работы авторов Римского клуба, как и документы ООН, убедительно показывают, что нынешняя модель потребительского общества себя исчерпала. Попытка распространения этой модели на все человечество равнозначна его гибели в результате энергетического и экологического кризисов. Лозунг «Развитие вместо роста» предполагает замену этой модели иной, более регулируемой и справедливой. Не могу не заметить также, что выводы Римского клуба в художественной форме предвосхитил известный советский фантаст и палеонтолог И. Ефремов, роман которого «Час быка» описал возможную катастрофу современной цивилизации несколькими годами раньше чем «Пределы роста» Д. Медоуза.

Однако неочевидно, что аргументы Римского клуба или ООН, весьма убедительные в научном отношении, окажутся убедительными вместе с тем и для высших классов развитых стран, которым предстоит жертвовать частью богатства во имя общего выживания. Неочевидно, что альтернатива: «новая общественная модель или гибель» будет вовремя осознана широкой общественностью и населением. Имеющиеся социологические опросы показывают: население способно поступиться своими материальными интересами лишь в том случае, когда катастрофа угрожает немедленно.

Нет гарантий, что человечество в целом, как и отдельный человек, в альтернативе между сиюминутными удовольствиями и продлением жизни не выберет сиюминутных удовольствий по принципу «после нас хоть потоп!»

Конкретизируя исходный парадокс, можно утверждать, что возможность реализации идеала демократического социализма равна произведению вероятностей разрешения человечеством противоречий, обозначенных выше. Если учесть, что число этих противоречий может быть расширено, а вероятность разрешения каждого из них невысока, то первое суждение парадокса о проблематичности реализации демократического социализма становится очевидным. Однако это отнюдь не снимает убедительности второго суждения, ибо в силе остаются все аргументы в пользу демократического социализма и главный из них: большая социализация является условием выживания человечества.

Вопрос о демократическом социализме XXI века остается открытым. Однако для левых это означает не индульгенцию на бездействие, а стимул к действиям. Популярная в России формула «За успех нашего безнадежного дела!» – в данном случае вполне осмыслена, ибо работая во имя своих социальных идеалов, демократические левые тем самым работают и во имя выживания человечества. Однако вернемся в Россию.

4. Современная Россия: ближайшее будущее и задача левых

Возвращаясь к отечественной политической проблематике, подчеркнём ещё раз: в силу множественных катастроф, маятникообразного

движения политического процесса и других описанных выше характеристик революции как исторической ситуации, социально-экономические предпосылки социализма в современной России оказались сформированными значительно слабее, чем в индустриальных государствах Европы и Северной Америки, а социально-политические и социально-психологические предпосылки, включая степень популярности левых настроений в обществе, – значительно слабее, чем в Латинской Америке. В таких условиях социалистическая перспектива для страны выглядит достаточно отдалённой. Что же касается задач на ближайшее будущее, то они, на взгляд автора, могут быть сформулированы в виде трёх тезисов.

1. Стране, как воздух, нужен левый поворот.

2. Этот левый поворот возможен только в условиях политической свободы, хотя бы относительной.

3. Для того, чтобы сохранить политическую свободу, необходимо объединение усилий левой оппозиции с другими политическими силами, включая цивилизованных либералов, при сохранении различий в их социально-экономических программах.

Обосновывая первый тезис, необходимо обратить внимание на следующее.

Как известно, в начале XXI в. российские власти объявили главной задачей на перспективу до 2010 г. удвоение ВВП. В настоящее время (конец 2007 г.) совершенно очевидно, что задача эта ершена не будет. Более того, известные экономисты продолжают дискуссию о том, достиг ли в текущем году объём ВВП в России уровня 1990 года. И если министр финансов и вице-премьер А. Кудрин оптимистично полагает, что этот рубеж достигнут, а в стране началось «экономическое чудо», то экс-советник Президента А. Илларионов убеждён, что отечественный ВВП составляет лишь 85% от уровня РСФСР. В действительности же эта дискуссия представляется во многом лишённой смысла, по меньшей мере, по двум причинам.

Во-первых, совершенно очевидно: рост ВВП в последние годы достигнут в основном за счёт высоких цен на нефть, и, следовательно, своими успехами страна обязана не столько действующей власти, сколько экономическим успехам Китая, а также военным действиям и политической напряжённости на Ближнем и Среднем Востоке, вызывающим повышение мировых цен на нефть. Напротив, физические объёмы производства в современной России значительно отстают от «дореформенного» (на самом деле – от дореволюционного) уровня. Так, едва ли не в самой успешной в последние годы отрасли – строительной – картина выглядит следующим образом: 1990 г. – 76 млн. кв. м. нового жилья, прогноз на 2007 г. – 57 млн. кв. м. О машиностроении и лёгкой промышленности говорить и вовсе не приходится.

Во-вторых, ещё в конце прошлого века, когда Россия устремилась в погоню за «цивилизацией» по попятной траектории, в мире явно обозначилась смена ориентиров. Разумеется, никто не отрицает, что экономика – это фундамент, но в ней всё более видят не цель, а средство. Средство развития человека.

В обиход науки и международной политики введены специальные понятия: «индекс человеческого развития» (ИЧР) или «индекс развития человеческого потенциала» (ИРЧП). Соответственно, складывается этот потенциал из трёх показателей:

- индекс уровня жизни (валовый внутренний продукт на душу населения¹¹);
- индекс долголетия;
- индекс образованности.

Отечественная политическая элита о человеческом развитии стараются говорить как можно меньше. И не случайно: несмотря на рекламируемый экономический рост, по сравнению с другими государствами, показатели этого развития в России явно падают. Видимо, в этом и заключается упомянутое «экономическое чудо». Приведём факты из докладов Организации Объединённых Наций и российских учёных, выполнявших компаративные исследования уровня человеческого развития.

Международные измерения человеческого потенциала до начала 1990-х гг. автору не известны. Однако есть основания полагать: если бы они проводились, СССР оказался бы в лидирующей группе – скорее всего, вошёл бы в десятку лучших. Во всяком случае в кризисном 1992-м году, когда разрушалась страна и прежняя общественная система, когда разразились множественные катастрофы и предельно обострились социальные бедствия, Россия заняла по индексу человеческого развития 34-е место в мире. Так велико было «наследие прошлого». В 1999 г., последовавшем после нового витка кризиса, связанного с т.н. дефолтом в августе 1998-го, страна по этому показателю оказалась на 55-м месте.

С тех пор страна переживает экономический рост. ВВП растёт со скоростью 6-7% в год, т.е. много быстрее, чем в Европе, быстрее, чем в США, однако медленнее, чем в большинстве республик бывшего СССР и значительно медленнее – чем в Китае. Начиная с 2001 г., доходы федерального бюджета страны его расходы, причём на астрономические суммы. Однако по человеческому развитию Россия всё более отстаёт от других государств. Согласно последним данным, в 2004 г. по этому показателю страна опустилась на 65-е место в мире. Впереди, на 64-м месте, Ливийская Арабская Джамахирия. Впереди регулярно

¹¹ Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 1995 г. М., Изд-во «Academia», 1996. – С. 58

оказывались такие государства, как Беларусь (53-е место в 1999 г.) и Куба (50-е место в 2004 г.).

Что касается слагаемых индекса человеческого развития, то картина выглядит следующим образом.

***Основные элементы человеческого потенциала России
в сравнении с другими государствами¹²***

Годы	Индекс дохода	Индекс долголетия	Индекс образованности
1992	51 место	90 место	36 место
1999	55 место	98 место	29 место
2004	55 место	114 место	15 место

Как видно из таблицы, единственным показателем человеческого потенциала, который последовательно улучшался в постсоветский период, признан индекс образованности. Но об этом ниже.

Индекс благосостояния с 1990 г. на фоне других стран не улучшился, несмотря на экономический рост. Что же касается индекса долголетия, то, вопреки всякой логике, подъём в экономике даже ускорил его падение. Другими словами, современная российская экономика работает не на человека, но явно против него.

Приведём и другие данные, которые приходилось видеть в периодической печати.

Когда в конце советского периода стала публиковаться информация о социальных показателях развития СССР, граждане с некоторым разочарованием узнали, что, согласно разным измерениям, на шкале уровня жизни страна занимает места от 19-го до 32-го. В последние годы такие же измерения дают нашей стране от 65-го до 102-го места.

Советский Союз не был лидером по продолжительности жизни, но не был и аутсайдером. В конце 1980-х гг. по этому показателю он соответствовал среднеевропейскому уровню. Как бы ни относиться к кампании борьбы с пьянством и всем её перегибам, именно в этот период ожидаемая продолжительность жизни в СССР резко пошла вверх. Однако с начала 1990-х гг., она круто упала. По заявлению экс-министра здравоохранения и социального развития М. Зурабова в Госдуме, в 2005 г. по этому показателю российские женщины оказались на 91-м месте в мире, мужчины – на 136-м.

Однако даже это заявление экс-министра, как выяснилось, приукрашивает положение вещей. Судя по официальным данным Росстата, ожидаемая продолжительность жизни российских граждан продолжает падать:

¹² См.: Отчет по человеческому развитию 1994. Нью-Йорк, ПРООН, 1994. – С. 129-131; Доклад о развитии человека за 2001 год. Нью-Йорк Оксфорд Оксфорд университети пресс 2001. – С. 141-144; Доклад о развитии человека 2006. М.: Изд-во «Весь мир», 2006. – С. 283-287.

- женщины: 2005 г. – 72 года, 2006 г. – 70 лет;
- мужчины: 2005 г. – 58 лет, 2006 г. – 56 лет.

Очевидно, что при таких показателях наметившийся рост рождаемости за вымиранием успеть не может, а любые меры государственной поддержки детей окажутся неэффективными. Остаётся напомнить, что, согласно УК РФ, преступная самонадеянность, приводящая к гибели людей, признаётся уголовным преступлением.

Согласно другим международным исследованиям, по показателям качества жизни в последние годы Россия занимала места от 73-го до 151-го (в зависимости от набора показателей), а по т.н. индексу счастья (т.е. по удовлетворённости человека жизнью) – 167-е.

Как уже упоминалось, единственный «просвет» на этом фоне – улучшение индекса образованности. Однако и в данном случае картина весьма противоречива. Дело в том, что поколение людей, которым в настоящее время около 70 лет, в пору их юности входило в тройку наиболее интеллектуальных генераций эпохи. В настоящее же время 15-е место по индексу образованности при измерениях ИРЧП является рекордным.

Так, по результатам международных исследований, которые специалистами именуется PISA, российские школьники заняли места в третьем десятке: по грамотности чтения – 27-29 места, по математической грамотности – 21-25 места. Конечно, PISA несовершенна и приспособлена к западной, а не российской системе образования. Однако не видеть падения уровня образованности подростков и молодёжи в стране невозможно.

Известно, что за первое послесоветское десятилетие выпуск художественной литературы в России сократился в 4 раза и в начале XXI в. составлял в среднем 3 книги на человека в год, тогда как во многих европейских странах – 10-12 книг. По данным социологов, 2/3 граждан России в тот период вообще перестали читать книги. В результате, согласно одному из опросов ВЦИОМ, 28% граждан России считают Солнце спутником Земли, а около трети полагают, что от радиоактивности можно избавиться, если заражённое вещество прокипятить.

Приведём несколько аргументов в доказательство того, что падение ИРЧП населения России – это прямой результат государственной политики.

1. Директор Института США и Канады С. Рогов, разделив функции современного государства на военно-полицейские и социальные, показал соотношение тех и других в различных странах.

Сейчас затраты на социальные цели из государственных бюджетов составляют: в среднем в мире – почти 18% валового внутреннего продукта; в развитых странах – около 25%; в странах с переходной экономикой – 22%; в федеральном бюджете России – 4,7% ВВП, т.е. почти в 4 раза меньше среднемирового уровня и почти в 5,5 раза меньше, чем в развитых

странах. Напротив, на исполнение военно-полицейских функций государства затрачивают: в среднем в мире – 5,3%; в развитых странах – 3,9%; в странах с переходной экономикой – 3,8%; в России из федерального бюджета – 7,4%, т.е. на четверть выше среднемирового уровня. Как справедливо замечает С. Рогов, такая структура бюджета была характерна для государства образца XVIII—XIX вв.

2. В большинстве стран с переходной экономикой, включая бывшие прибалтийские республики СССР, Беларусь и Украину, приняты законы о том, чтобы минимальная заработная плата устанавливалась не ниже прожиточного минимума. В России же в настоящее время она составляет от него менее 60%, а от минимального потребительского бюджета – менее четверти. Грустная шутка гласит: у нас не МРОТ, а мрут.

3. В СССР доля бюджетных мест в высших учебных заведениях составляла 100%. В современной Германии – более 90%. Во Франции – более 80%. В России таких мест около 40%. При этом многие российские граждане получают в рублях столько же, сколько на Западе – в долларах или евро.

4. По сравнению с советским периодом, в реальном выражении основное детское пособие в современной России упало примерно в 14 раз; расчётная студенческая стипендия в вузах – более чем в 2,7 раза; стипендия студента среднего специального учебного заведения – в 5 раз; учащегося ПТУ – в 8 раз.

Все эти и многие другие аналогичные им факты свидетельствуют об антисоциальном характере государственной политики, об её явно правом уклоне, приводящем к снижению человеческого потенциала страны и угрожающем самой жизни её граждан.

В последнее время это признают даже представители власти. Так, выступая в марте 2007 г. в Госдуме экс-министр М. Зурабов прямо заявил: социальные расходы в бюджете страны вполне достаточны, если исходить из того, что мужчина должен жить 59 лет; для того же, чтобы он жил хотя бы 70 лет, а женщина – хотя бы 75, нам нужен другой бюджет, другая медицина и другой образ жизни. Всё это чистая правда. Единственное, что забыл добавить экс-министр, – и другое правительство.

Динамика демографических процессов позволяет утверждать, что если страна не совершит левого поворота, она будет развиваться по сценарию, предсказанному В. Набоковым: Россия может разделить судьбу Древнего Рима – культура останется, а народ исчезнет.

Обратимся теперь ко второму тезису – о невозможности левого поворота без политической свободы. Поскольку страной правят «олигархические» структуры, объединившие в одних руках власть и собственность, по доброй воле собственной воле, без давления «снизу» они не станут «делиться» доходами с большей частью населения. Именно поэтому социальное неравенство в России много выше, чем в любой из стран так называемого цивилизованного мира. Именно поэтому

отечественная налоговая система устроена так, что не богатые «делятся» с бедными, но напротив, бедные – с богатыми. Речь идёт не только о «плоской» шкале налогообложения физических лиц, не известной развитым странам, но в ещё большей степени – об отмене налога на наследство и регрессивной шкале социального налога. Согласно этой шкале, чем выше зарплата в организации, тем меньше социального налога эта организация платит. Аналоги в мире автору не известны.

Распространённое в России стандартное либеральное представление о ситуации сводится к следующему: при Борисе Ельцине страна была свободной, а в настоящее время свобода сворачивается потому, что «чекисты пришли к власти». На самом деле всё как раз наоборот: так называемые чекисты пришли к власти потому, что наступил исторический период ограничения политической свободы.

Как уже отмечалось, в первой половине 1990-х гг. Россия пережила не реформы, но социально-политическую революцию. Соответственно, один из законов революции как исторической ситуации заключается в следующем: на смену периоду относительной революционной демократии всегда приходит период революционного или постреволюционного авторитаризма, если не диктатуры. Именно такой период наступил в отечественной истории, а потому у власти закономерно оказались «чекисты», т.е. бизнесмены-«силовики», или «силовики»-бизнесмены. Историческая ситуация предопределяет характер политического режима, а не наоборот.

Отсюда и крайне низкие показатели, которые Россия имеет в различных международных рейтингах «демократичности». Так, Freedom House перевела нашу страну из группы частично свободных в ранг несвободных государств. По экономической свободе Россия занимает 120-е место, по свободе информации за последние 5 лет (2003-2007) – она ни разу не поднялась выше 121-го места, а по уровню коррупции откатилась с 90-го места на 143-е, считая от наименее коррумпированных стран¹³.

Однако из всего этого вовсе не следует, что бороться за сохранение политической свободы бесполезно или бессмысленно. Напротив, есть основания утверждать: сама политика правящей «олигархии» способствует объединению усилий различных политических сил, ибо она одновременно и антисоциальная, и антилиберальная. Вот лишь две иллюстрации сказанного.

1. Образовательное законодательство, принятое в стране в 1990-х гг., основывалось одновременно на социальных ценностях (установление социальных гарантий для тех, кто учится и учит), и на ценностях демократических (либерально-демократических) – широкие экономические свободы для образовательных учреждений и экономические свободы для участников образовательного процесса.

¹³ Рейтинг Transparency International - РБК Daily, 2007, 27 сентября

Напротив, его «модернизация» в 2004 г. «вычистила» из соответствующих законодательных актов и свободы, и социальные гарантии. Не случайно, группа депутатов от оппозиции во главе с Нобелевским лауреатом Жоресом Алферовым подписала в тот период подготовленный автором текст под названием «Погром в законе».

2. Точно так же постсоветское законодательство о социальной защите инвалидов было в значительной степени заимствовано из опыта социальных государств Европы. Однако в процессе так называемой монетизации инвалиды лишились и предоставлявшихся ранее льгот (включая транспортные, телефонные и т.п.), и стимулов к собственной реабилитации (включая труд, занятия искусством, спортом, общественной деятельностью и т.п.). Отныне каждый, кто пытается работать над собой, находится под угрозой снижения степени ограничения способности к трудовой деятельности, а это снижение приводит к потерям в пенсионных и социальных выплатах, а то и к их полному лишению.

Как видим, в обоих случаях государственная политика выстраивается по известному принципу: ни «рыбы», ни «удочек». Иначе говоря – ни социальных гарантий, ни возможности самостоятельно зарабатывать средства на жизнь. Понятно, что это вызывает оппозиционные настроения как со стороны социалистов, так и со стороны либералов.

В подобной ситуации вполне логичным выглядит и третий тезис о необходимости совместных действий противников антисоциальной и антилиберальной бюрократической политики во имя сохранения политической свободы. Такое объединение усилий становится тем более реальным, что в последние годы российские политические течения, называющие себя правыми, явно эволюционируют влево под давлением ситуации и массовых настроений. Так, известный московский правозащитник А. Бабушкин произвел анализ результатов голосований по ключевым вопросам в Государственной Думе третьего созыва (2000-2003 гг.) и пришел к выводу: наибольшее количество совпадений имеют фракции КПРФ и «Яблоко». В свою очередь программа так называемой достройки капитализма, предложенная Союзом Правых Сил, тяготеет, скорее, к социал-демократическим европейским аналогам, чем к аналогам право-консервативным. Заметим, что ранее СПС явно эволюционировал в направлении европейских «новых правых».

В заключение позволю себе следующий парадокс: как ни странно, именно цивилизованная оппозиция, требующая левого поворота, объективно помогает сохранить в России относительно спокойный, реформистский сценарий развития; напротив, действия власти, отказывающейся совершать такой поворот и при этом ограничивающий политическую свободу, провоцирует в стране сценарий с применением насилия, своего рода «цветную революцию».

Не раз говорил об этом с трибуны Государственной Думы Федерального Собрания РФ приблизительно в следующих выражениях: «Коллеги из правящего большинства поражены антиоранжевой «паранойей» и страшно боятся, что в России какие-то внешние силы подорвут политическую стабильность и политический режим в целом. Однако на самом деле в современных условиях никто, кроме правительства и правящей партии, организовать революцию не в состоянии. Кто в этом сомневается, пусть вспомнит 2005-й год, когда именно принятие непопулярного закона «о монетизации» вывело на улицы, по разным данным, от 540 тыс. до 2-х млн. человек. Согласно теории легитимации конфликтов, если не давать «пару» возмущения выходить хотя бы в «свисток», политический «котёл» обязательно взорвётся: не в 2007-м, так в 2011-м; не в 2011-м, так в 2015-м. Но непременно».

В целом, повторю, ситуация для левых в России менее благоприятна, чем в социальных государствах Европы и в странах Латинской Америки, хотя и по разным причинам. Однако альтернативой левому повороту является дальнейшая деградация человеческого потенциала нации. А потому самое время вспомнить известное выражение: в мире гораздо больше людей сдавшихся, чем побеждённых...

Смолин О.Н., Первый заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской Академии образования, председатель общественного движения «Образование – для всех»